

● Встреча для вас

Исаков А.

РЕДКО ВЫДАЕТСЯ ДЕНЬ, КОГДА К ЕФИМОВОЙ НЕ ЗАХОДЯТ ГОСТИ. ЕЕ КВАРТИРА ДАВНО СТАЛА СВОЕОБРАЗНОЙ ИЗБОЙ-ЧИТАЛЬНЕЙ.

В трех комнатах тесно, хотя мебели здесь самая малость. Только все необходимое — стол, диван, старинный шкаф и скромный, черно-белый телевизор «Рекорд». Кругом — стеллажи. Книги, книги... Более пяти тысяч томов. Аккуратно переплетены и строго пронумерованы журналы «Октябрь», «Москва», «Нева», «Наш современник», «Знамя», «Иностранная литература». Каждый номер за последние два десятилетия. В наследство от отца Софье Васильевне остались редкие дореволюционные издания.

Городские библиотеки, где существует штат, пресловутый план обмена и посещаемости, могут лишь позавидовать Ефимовой.

Чтобы записаться в библиотеку, необходимо соблюсти формальности — предъявить паспорт и справку с места рабо-

Об этом Софья Васильевна вспоминает с улыбкой. Оптимизма ей не занимать.

— Вот и получилось, что нечаянно победила Японию, — шутит Ефимова и взвешивает на ладони медаль «За победу над Японией».

Среди многочисленных медалей, орденов «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени эта награда ей по-своему дорога.

Дважды была Ефимова строителем Байкало-Амурской магистрали. Первый раз в тридцатых годах, когда к аббревиатуре БАМ непременно прибавлялась другая — НКВД либо ОГПУ. После окончания Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта ее направили на работу в Комсомольск-на-Амуре. Вот почему Ефимовой близки и знакомы судьбы людей, о которых толь-

ЛЮБОВЬ ПО НАСЛЕДСТВУ

ты. У Софьи Васильевны все гораздо проще. Нажимаешь кнопку звонка. Гостеприимно распахивается дверь, и веселый голос хозяйки приглашает:

— Проходите. Будем знакомиться.

Но отнюдь не формальности отпугивают людей от библиотек и приводят в квартиру к Ефимовой. Новые времена и веяния еще как следует не продумали застоялый воздух между стеллажами тех культурных учреждений. На полках в основном литература из школьной программы и та, которую читают лишь от скуки в поездах дальнего следования. Судьба иных добрых произведений складывалась так. Ловкачи, либо безалаберные посетители «зачитывали» их. А сколько честных, талантливых книг исчезло с полок по инициативе консерваторов и перестраховщиков, которые считали, что в отечественной литературе место лишь положительному герою, выполняющему план на сто с лишним процентов.

Бывало, заглядывали к Ефимовой гости с намерением «зачитать» один-другой редкий томик. Заканчивались все сроки, а на эту книгу у Софьи Васильевны целая очередь. Идет, разыскивает «забычивого» посетителя. Никому о своих хождениях не говорила. Знает только — займись общественности (так Ефимова называет своих читателей), не сдобрить человеку, на весь город прославят, вынут из него мешанскую душонку. Благо, такое всего раза два-три случилось.

Софья Васильевна узнает и распознает своих читателей по голосу. Она уверенно ходит по квартире, безошибочно берет со стеллажа любой журнал, книгу, при разговоре открыто и понимающе смотрит в глаза, уверенно пишет на листке бумаги. Можно побывать в гостях у Ефимовой и не догадаться, что несколько лет назад она потеряла зрение. Работая прорабом, ночью шла на свой строительный участок, оступилась, соскользнула в траншею. Больше четырех часов провисела вниз головой, пока случайно не наткнулся на нее экскаваторщик. Наверняка сказало и раннее ЧП, когда окунулась в ледяную купель. Дело было в сорок пятом. Инженер Ефимова участвовала в строительстве паромной переправы через Амур. Возвращалась по зимнему льду с работы и провалилась в промоину.

ко сейчас нам рассказывают журнал «Огонек» и другие авторитетные издания. «Дети Арбата» Рыбакова, «Новое назначение» Бека и «Повесть о пережитом» Дьякова — что они значат для Софьи Васильевны?

— Знаем мы больше, чем здесь написано, — как всегда, Ефимова откровенна в своих суждениях. — Возмущает меня другое. В газеты, журналы пишут и негодуют читатели: стоит ли вскрывать эти язвы? Не начнут ли они разлагать новое поколение? Какие глупости! Многие люди, которых в тридцатых лишили всего, до конца оставались патриотами своей Родины. Не могу спокойно относиться, когда в ряд с Рыбаковым, Беком, Дьяковым ставят Солженицына. Между прочим, таких сильных интеллектуалов, медиков, спортсменов, с которыми познакомилась в лагере так называемых политзаключенных, я потом редко встречала в жизни. А посмотрите, какие имена нам открыл «Огонек» за последний год — Рудзутак, Раскольников, Вавилов. Кстати, в тридцать четвертом поступала в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и тогда он назывался именем Рудзутака.

С 1955 года Ефимова в Тайшете. Участвовала в развитии и реконструкции узла, строительстве ветки Тайшет — Абакан, и вновь — БАМ. Руководители «Ангарстроя» сначала неласково встретили Софью Васильевну, мол, не для женских рук выбрала она дело. Но вскоре рабочие строительномонтажного поезда с надеждой встречали ее на объекте. Знали: если Ефимова приехала, значит, проблема будет снята. А сколько таких случаев в жизни «Заслуженного строителя РСФСР», почетного железнодорожника бывало. Десятки.

...В последний раз долго разговаривали с Софьей Васильевной. Потом она попросила меня прочитать письма, пришедшие в этот день. Одна фраза из письма родственницы Ефимовой невольно запала в память. Женщина сообщила, что ее сын всерьез увлекся книгами, и не без удовольствия добавила: «наверное, эта «блезнь» у нас наследственная...»

А. ИСАКОВ.

г. Тайшет.